

Цянь Сяюй так и не произнес вслух свое желание признать его сыном, однако Чи Нин, будучи человеком того же круга, мгновенно все понял без слов. Сказать по правде, Чи Нин был искренне изумлен. И поразило его вовсе не то, что Цянь Сяюй всем сердцем жаждал примерить на себя роль отца — или матери, — а невероятное, граничащее с одержимостью упрямство этого человека.

Впрочем, стремление евнухов становиться чьими-то названными отцами или почтенными предками не было редкостью ни в одну эпоху.

«Нет потомства — нет и сыновней почтительности», — эта непреложная истина пустила глубокие корни в умах каждого, кто жил под гнетом традиций, будь то мужчина, женщина или кастрированный слуга. Лишенные возможности продолжить свой род, евнухи часто пытались восполнить эту пустоту, выказывая поистине болезненную тягу к усыновлению. В эпоху династии Тан один из дворцовых управляющих за свою жизнь успел признать сыновьями более 600 человек, что удостоилось отдельного упоминания в летописях «Старой истории Тан».

— Настоящий муж, суждено ли ему родиться в смуту или в мирные годы, всегда мечтает о великих свершениях, — говаривал наставник Чи Нина, евнух Чжан Цзинчжун. — Нам, лишенным мужского естества, хочется доказать свою значимость вдвойне.

У евнухов исстари велись три главные слабости: копить золото, упиваться властью и плодить названных сыновей.

И если вдуматься, последнее увлечение приносило государству меньше всего вреда.

— Но как усыновление поможет совершить великое деяние? — недоумевали трое братьев-учеников, когда впервые услышали эти рассуждения.

Тогда они были еще совсем несмышленными крохами. Облаченные в просторные евнушечьи халаты, они тесным кружком сидели во внутреннем дворике и завороченно слушали предания старины, которые неторопливо пересказывал старый Чжан.

— Про Цао Цао слышали? — прищурился евнух Чжан. Обучать молодежь было его излюбленным делом, иначе он не обзавелся бы столь внушительным числом преданных учеников. — Знаете, с чего началось возвышение его рода? Его отец, Цао Сун, был приемным сыном евнуха. Да не простого, а самого Цао Тэна, занимавшего должность дачанцю — верховного управителя дворца императрицы в конце эпохи Восточной Хани. Когда Цао Тэн отошел в мир иной, Цао Сун унаследовал его благородный титул. И лишь благодаря этому Цао Цао впоследствии сумел захватить власть, «удерживая императора, дабы повелевать удельными князьями». Каково, а?

В тот день в юных головах братьев зародились совершенно разные мысли. И ярче всего искра понимания вспыхнула в разуме маленького Чи Нина: нужно непременно обзавестись сыновьями!

«Через детей я пробьюсь к вершинам жизни!» — решил он тогда раз и навсегда.

Обычно евнухи усыновляли детей двумя путями: либо брали на воспитание племянников из родных семей, чтобы продлить семейную ветвь, либо находили сирот, не связанных с ними ни каплей крови.

Среди приемышей тоже было разделение — одни брали под крыло таких же безродных маленьких слуг внутри дворца, другие предпочитали усыновлять полноценных юношей из внешнего мира.

Но как бы то ни было, все старались брать детей как можно моложе. Словно приручая домашних зверьков, люди тянулись к крошечным котяткам или щенкам, твердо веря: лишь тот, кого выкормил с малых лет, останется предан тебе до гробовой доски.

Чи Нин в этом отношении являл собой редкое исключение. У него не водилось терпения заядлого земледельца, способного изо дня в день наблюдать за ростом зеленых побегов — он предпочитал сразу собирать спелые плоды. К тому же возвысился он слишком рано, так что большинство его названных сыновей превосходили своего «отца» возрастом. В представлении Чи Нина эти узы родства были не более чем взаимовыгодной сделкой, скрепленной общими интересами.

К примеру, его союз с Ся Ся строился на предельно ясных условиях: Чи Нину требовались преданные уши и глаза в Восточном притворе, а молодому Ся Ся — надежная опора, чтобы закрепиться там. Это было безупречное соглашение, куда более надежное, чем династические браки знатных семейств.

Цянь Сяюй же был чудачком совершенно иного толка.

Если другие преследовали корыстные цели — спасали свои души от забвения или искали выгоду, то Цянь Сяюй руководствовался чистым капризом. Со стороны это казалось форменным безумием.

За долгие годы он скопил несметные богатства, а его умению приумножать средства позавидовал бы любой купец. Ему не нужно было беспокоиться о безбедной старости, да и от сыновей он не требовал никаких услуг. Господин Цянь просто любил, чтобы вокруг былолюдно и весело, а названные дети радовали взор.

Из-за столь придирчивого отбора сыновей у него было немного — он ценил качество, а не количество. Но если уж Цянь Сяюй намечал себе добычу, он не сдавался так легко, как Чи Нин. Его упрямство порой заходило так далеко, что он наступал на горло собственной злопамятности — качеству, присущему любому евнуху, — и раз за разом давал Чи Нину новые шансы.

Поистине великодушный и чадолюбивый родитель.

Увы, предначертанное свыше не переломить, а судьба — штука капризная.

«Эх, придется мне снова разочаровать почтенного Цяня...» — мысленно вздохнул Чи Нин.

Чи Нин уже приготовился низко поклониться Цянь Сяюю, испрашивая прощения, но не успел согнуться в поклоне, как на дорожке показался Ван Фугуй.

Толстый, как бочка, покачивая внушительным брюшком, господин Ван шествовал в окружении многочисленной свиты. В руке он сжимал драгоценную нефритовую мухосметку. Своим внезапным появлением он бесцеремонно оборвал едва не разразившуюся ссору между Чи Нином и Цянь Сяюем.

По всем законам дворца Цянь Сяюй, будучи Директором с печатью Дирекции церемониала, по рангу и положению превосходил любого из собравшихся евнухов.

Однако Ван Фугуй пользовался безграничным доверием вдовствующей императрицы. Из уважения к госпоже приходилось выказывать почтение и ее верному псу, а потому при виде Ван Фугуя каждый невольно склонял голову чуть ниже.

К тому же кресло под Цянь Сяюем изрядно пошатывалось. Он занимал этот пост лишь временно, пока улаживались неотложные государственные дела. Личные слуги нового государя, прибывшие из его прежнего удела, уже повсюду обживали Дирекцию церемониала и усердно занимались в Палате Литературного Величия, готовясь в любой момент принять бразды правления.

Едва ступив за порог Пурпурного запретного города, Евнух-распорядитель Сунь уже нацелился на место главы Дирекции церемониала.

И пусть в итоге император назначил евнуха Суня Директором с печатью Дирекции императорских конюшен, тот сохранил за собой звание пишущего евнуха, не собираясь выпускать из рук нити управления тайным советом. Дворцовые старожилы прекрасно понимали замысел повелителя: Дирекция конюшен ведала военной силой и отвечала за безопасность столицы, а новый монарх не доверял прежней свите. Как только закончится переходный период, Цянь Сяюю волей-неволей придется уступить теплое местечко.

Прежний хрупкий баланс сил внутри касты евнухов, где власть поровну делили фракции Чжэньнань и Мучэнь, окончательно рухнул. Теперь во дворце разыгрывалась куда более сложная партия, в которой за влияние соперничали три стороны, включая ставленников нового государя.

Но как бы то ни было, перед лицом этого непотопляемого ветерана дворцовых интриг даже гордому Цянь Сяюю оставалось лишь вежливо поклониться.

— Приветствую, господин Ван, — негромко проговорил он.

— Рад встрече, господин Цянь, — отозвался Ван Фугуй. Его лицо, выражавшее глубокое сомнение во всем сущем, расплылось в притворно-сладкой улыбке.

Евнухи терпеть не могли, когда посторонние величали их «господами», но при встрече друг с другом так и сыпали этими вежливыми обращениями. И в этом не было лицемерия — лишь привычное дворцовое правило: улыбаться в глаза и мысленно осыпать собеседника проклятиями.

— Ох, сколько почтенных мужей собралось! Какое дивное оживление, — заговорил Ван Фугуй, и у каждого из присутствующих невольно пробежал холодок по спине. Речи высокопоставленных слуг всегда сочились ядовитой иронией и скрытыми намеками. — Вы ведь не станете возражать, если я ненадолго заберу нашего Линь-Линя? Вдовствующая государыня с нетерпением его дожидается.

Настоящим именем юноши было Чи Нин, однако во дворце его знали под вымышленным именем — Чи Линь, или, ласково, Линь-Линь.

И нарекли его так вовсе не ради забавы. В этом решении крылась житейская мудрость его наставника, Чжан Цзинчжуна. Старый евнух дал своим трем любимым ученикам звучные, легко запоминающиеся имена с повторяющимися слогами, чтобы высочайшие особы сразу их заучили.

— Не вздумайте воротить нос от этих имен, — поучал их наставник Чжан, хитрый и изворотливый старик, который всю жизнь положил на разгадку одной-единственной тайны: как снискать благоволение владык. — Когда твое имя легко слетает с уст государя или его наложниц, тебя будут вспоминать чаще. А чем чаще вспоминают, тем ближе твой час славы.

Свою науку он постиг в совершенстве, и его ученики не раз пожинали сладкие плоды его проницательности.

Именно благодаря этому простому прозвищу Линь-Линь накрепко врезался в память покойного императора Тяньхэ и вдовствующей императрицы Юцинъ. Слыша, с какой теплотой и непринужденностью правители зовут юношу, прочие слуги невольно проникались к нему почтением, полагая, что тот пользуется безграничным доверием у престола.

Идеальное воплощение древней мудрости о лисице, занявшей величие у грозного тигра.

Услышав, что Ван Фугуй, доверенный слуга вдовствующей императрицы, по-прежнему зовет юношу ласковым именем, искушенные дворцовые интриганы мгновенно смекнули, куда дует ветер.

Пусть у него больше нет заступника-наставника, пусть ушел из жизни император Тяньхэ — но вдовствующая государыня все еще восседает во дворце!

Чи Нин поспешно откланялся перед Шан Эрм и Цянь Сяюем, бормоча извинения, и припустил вслед за господином Ваном, стремясь поскорее убраться подальше. Со стороны их поспешное отступление — один худой и подтянутый, другой грузный и покатый — весьма походило на совместный побег с поля боя.

И это было чистой правдой.

Разумеется, в столь смутные и опасные дни вдовствующая императрица не стала бы звать к себе Чи Нина — сейчас она страшилась приблизить даже собственного единственного внука Вэнь Чэня. Ван Фугуй просто заметил, что юноша оказался зажат между молотом и наковальней в лице Шан Эра и Цянь Сяюя, и решил протянуть ему руку помощи.

— Человеческие сердца капризны и изменчивы, — вкрадчиво обронил Ван Фугуй. — Не мне тебя этому учить.

«Шан Эр и Цянь Сяюй оба не заслуживают доверия».

— В свое время твое появление во дворце Увэйдянь наделало немало шуму, — продолжал рассуждать старик. — Твой поступок казался безрассудным, однако многие тогда до глубины души позавидовали твоему наставнику. Какого славного преемника он вырастил!

«Глуп, силен, да еще и лезет на рожон — кто бы отказался прибрать к рукам такую славную и послушную марионетку?»

— Устрой свадьбу наследника сиятельного князя Цзина как подобает, — наставительно закончил Ван Фугуй. — Твои лучшие дни еще впереди.

«Устроишь все как надо — вдовствующая императрица вернет тебе милость. Справишься из рук вон плохо — отправишься прозябать на задворках».

Договорив, Ван Фугуй развернулся и ушел, но перед этим вложил в руки Чи Нина свою нефритовую мухосметку, служившую знаком его личной власти.

«Это задаток».

За все время пути Чи Нин проронил лишь одну короткую фразу:

— Готов исполнить любую вашу волю, почтенный старший.

«Твои приказы — пустой звук. Слушать я тебя буду, а вот делать — только то, что сам решу».

Закончив перевод, злой бог с явным удовольствием добавил:

«Удивительно вы, евнухи, изъясняетесь. Любо-дорого слушать».

Чи Нин лишь усмехнулся про себя, без труда истолковав скрытый смысл этих слов.

«А кому не нравится смотреть, как резвятся котята?»

<http://bllate.org/book/20385/2122254>